

Елена Саммонен

Кровавый ангел

Глава 1

Мрачное воскресенье

Этот воскресный день не обещал тепла и солнца. На рассвете Олаф очнулся от неприятного видения, которое ворвалось в его сознание, пока он пребывал во сне. Ему снилось, будто он присутствует на чьих-то похоронах и вроде как скорбит, а о ком — не ясно. Открыв глаза, он ощутил настоящую боль в сердце — этот сон пустил в его душу каплю какой-то неосознанной горечи. А за окном утреннее небо, едва просветлев после ночи, затянулось свинцовыми тучами...

Нет, сегодня он не пойдет в адвокатскую контору. Не станет Олаф перебирать кипу бумаг, не будут приходить к нему люди, потерявшие близких и задумавшиеся о вступлении в наследство. Это было вчера, то же самое будет завтра, а сегодня у него выходной.

Несмотря на дурной сон и отвратительную погоду, настроение у него было прекрасным: он молод, влюблен, и сегодня его ждет встреча с любимой женщиной. Олаф встретил свою Талину ровно два года назад в этот день, когда будучи

курсистом правовой академии Рессодена, приехал на каникулы в родной Хельсинки. Он, стремясь развлечься, отправился с другом в один паб, чтобы выпить пива и сыграть в карты, а сам влюбился в жгучую брюнетку, отплясывающую там нечто, похожее на канкан. Олаф был счастлив любить взаимно, но почему-то его выбор не приняли в семье. Именно поэтому в тот же год ему пришлось идти работать клерком и поселиться в трущобах — на иное просто не хватало денег. Сейчас, когда академия осталась позади, и наметилось повышение по службе, жить стало лучше. Поэтому, наверное, пора сделать это. Нужно связать свою жизнь с Талиной — наверное, она не будет против этого.

Олаф, сварив себе кофе, открыл свежую газету. Вообще-то издание называется «Путешествия», но почему же везде суют эту пресловутую политику? Да, очень ему интересно, как финны и немцы друзьями стали. Олаф, пробежав глазами по заголовкам, пролистал газету к концу и погрузился в чтение статьи о вулканах Исландии.

Но спокойно читать он не мог. Перед глазами стояла красавица Талина в милом розовом платье с белыми гипюровыми ленточками, и Олаф уже представлял, как засверкают счастьем ее глаза, когда он сделает ей предложение руки и сердца сегодня.

Олаф, чтобы хоть чем-то себя занять до вечера, долгожданного часа встречи с Талиной, открыл ящик своего рабочего стола и достал оттуда стопку писем. Хотя они с Талиной жили в соседних районах города и имели возможность разговаривать по телефону, предпочитали им бумагу и перо. Это более романтично. Вчерашний клерк и сегодняшней адвокат имел обостренное ощущение красоты.

— Что тут у нас? — проговорил вслух Олаф, на мгновение оторвавшись от писем, чтобы поставить в граммофон новую пластинку. — Венгерская музыка. Купить — купил, а так еще и не послушал.

С музыкой окунаться в чтение романтических посланий было еще приятнее. Но письма, которые он уже сотый раз перечитывал, Олаф знал уже наизусть, поэтому скоро и это дело его утомило. Он взглянул на часы — как же долго до вечера! Можно еще успеть съездить на другой конец города за свежими розами для Талины.

Выключив граммофон и одевшись, как всегда, исключительно опрятно, хоть и не совсем респектабельно, Олаф вышел из дома и отправился в район Круунунхака на крытый рынок, надеясь отыскать там белые розы. Да, пусть будут белые, а не красные. Они как-то нежнее выглядят.

Всю дорогу моросил мелкий противный

дождь. Олаф ненавидел Хельсинки да и вообще всю Финляндию за такой климат. Его город был всегда мрачен — это так давило на него. Но сегодня почему-то все вокруг было таким ярким, мелкий прохладный дождь приятно капал ему на лицо и руки без перчаток, а угрюмые люди казались такими приветливыми!

Вернувшись домой, Олаф с порога услышал, как играет граммофон. Надо же, он его вроде бы выключал... Хотя, наверное, только подумал это сделать, но отвлекся и забыл. Играла манящая мелодия. Он подошел ближе и растворился в прекрасных звуках. Если бы еще и текст был таким же прекрасным... А то, если вслушиваться, то это исповедь самоубийцы. И лейтмотивом всей песни такое актуальное сегодня «мрачное воскресенье» на английском языке. «Популярная песня, на многие языки переведена», — подумал тогда он, мысленно сопоставляя иностранные слова со своим пониманием их.

Но упиваться красивым мотивом, хоть и таким печальным, счастливый Олаф сегодня явно не собирался. К семи часам вечера он надел свой новый костюм с классической белой сорочкой, уложил фиксатуаром волосы, начистил до блеска черные туфли. Букет белых роз, в кармане пиджака — изящное серебряное колечко с гранатом для Талины... И заготовленные заранее в мыслях

пылкие признания. Все самое лучшее, что только может с ними случиться, ждет их впереди.

На пересечении Сенатской площади и Алексантеринкату он встретился с Талиной. Она как всегда томно смотрела на него и была одета совершенно роскошно, словно и не работала в простом пабе. Молодая женщина тоже хотела сказать Олафу нечто важное.

— Спасибо большое за цветы — они прекрасны, но... — опустив в смущении глаза, Талина вернула ему букет. Улыбка стерлась с его лица. Олаф с самого начала заподозрил что-то неладное. — Но мы больше не можем быть вместе. Я пришла на встречу с тобой в последний раз.

— Но что случилось, Талина? — едва смог произнести он после минутного потрясения. — Мы же все время были вместе... Все так внезапно...

— Я полюбила другого, — свинцовым шаром скатилось с ее губ.

— А как же то, что было между нами? Как же любовь? — едва не плача, произнес Олаф.

— Да не было никакой любви, — она говорила это так легко, словно признавалась в этом не впервые.

— Прощай, Талина, — произнес он, и, бросив букет роз к ее ногам, ушел прочь.

Олаф угрюмо брел в сторону Лиисанкату. Жизнь его лишилась красок в одно мгновение, он